

Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского «среднего класса»: причины, содержание и перспективы»

9 декабря 2014 г.

А.Круглова. Спасибо, что пригласили меня сюда. Было очень интересно послушать. Я, видимо, единственный здесь антрополог. В основном социологи, политологи. Оптика у меня совершенно другая. Поэтому я не знаю, насколько она может быть вам интересной вообще.

Спасибо также за аналитическую записку. Это было тоже очень полезно. Было бы интересно на нее сослаться, потому что это краткое описание класса, которое иногда очень полезно антропологам.

У меня предложение такое. По той литературе, которую приходится читать, как Денис сказал, то есть по антропологической литературе класс все-таки не понимается как определенная прослойка или количество людей, которых можно посчитать, как-то определить и т.д., и по этим определенным критериям потом подсчитать. Класс – это прежде всего система отношений в целом, и в частности система моральных отношений в обществе.

В связи с этим, что мне казалось, совсем не прозвучало – средний класс постоянно определяется идеологией этого самого «среднего класса», или тем, как эксперт-социолог прочитывает идеологию этого «среднего класса», или то, как «элиты» прочитывают идеологию этого «среднего класса» или «перспективы» этого «среднего класса».

То, что у других слоев населения (из этой аналитической записки видно, что и другие слои населения у нас есть) тоже может быть какое-то видение этого среднего класса или какое-то другое понимание класса, что у них может быть, собственно говоря, свой взгляд на морально-классовый ландшафт во всем обществе, - это как-то не звучит. А мне кажется, что для учета перспектив самого «среднего класса» очень важно знать, каковы,

собственно говоря, представления о том, что такое класс, сейчас вообще в российском обществе.

Но таких исследований очень мало, я бы сказала. И очень часто понимание класса связывают, например, с потреблением. То есть они исключительно потребленческие, кто, сколько потребляет и что. Что они связаны со стилем жизни.

Такие представления есть, но ведь могут быть и другие. Во всяком случае, судя по моим респондентам, которые можно отнести к низшему среднему классу (говоря социологическим языком, это живущие в Перми люди с законченным образованием, но не работающие по профессии, то есть, так скажем, агенты, распродают косметику в оптовых фирмах, и т.д., или, скажем, электрики, или не имеющие высшего образования)...

Какими могут быть эти представления? Антропологи любят рассказывать анекдоты. Я расскажу такой анекдот. Я спросила одного из них (незаконченное медицинское образование, работает на заводе в Перми): какие вообще люди бывают в Перми, как ты видишь? Он говорит: все наше общество делится сейчас на штрибанов и коммерсов. Штрибаны – от немецкого работать, то есть это рабочий люд. Я сейчас тоже штрибан, потому что я работаю на заводе, в субботу и воскресенье отдыхаю. Он описал это как стиль жизни. Коммерсы – это те, которым «все удалось», которые, как вы говорите, «приспособились» в 90-е.

В этой перспективе социологические понятия «средний класс» и «элиты» для него совершенно не различны. Есть штрибаны, которые «в 90-е» - то есть по итогам перестройки - проиграли, и есть коммерсы, которые выиграли. И элиты, и средний класс – это коммерсы. А он штрибан.

И что интересно: мне это высказывание напомнило статью, по-моему, Юрия Арутюняна по поводу классовой структуры в в постперестроечной России. Там как раз было написано, что именно сейчас в России становится очень правильным применение классической марксистской классовой теории о разделении труда и капитала. Средний класс – это прагматическое соединение труда и капитала. Именно в России средний класс не «случился», в том смысле, что это достаточно эфемерное явление, которое, может быть, было, как было описано в аналитической записке, а может быть, не было. В

этом смысле мой информант в каком-то смысле повторяет точку зрения социолога Арутюняна: средний класс, который определяется через потребление – это эфемерное явление или просто чистая пропаганда, а общество на самом деле делится на труд и капитал, штрибанов и коммерсов.

При этом такое понимание класса может быть не только российским явлением. Во всем мире уходит это «прагматическое сочетание труда и капитала», о чем говорил Петр, о том, что возникает прекариат. Во всем мире распространяется популярность марксизма, опять же именно в связи с тем, что действительно работники потеряли свое влияние, потеряли возможность каким-то образом влиять на своих работодателей. То есть это разделение между трудом и капиталом становится все более серьезным, в том числе и за счет распространения прекариата.

Если задуматься о прекариате, то, может быть, есть другие способы думать о классе в России, кроме того, что был указан в аналитической записке – «посмотреть на средний класс в связи с прекращением модернизационного проекта». Кроме модернизационного проекта, который, кстати, тоже может быть всего лишь идеологическим конструктом российских элит, может быть, посмотреть нужно не на то, чего нет, а на то, что есть. А то, что есть, может быть, например, «обществом риска» в соответствии с Бекон и Гидденсом.

Например, в 2012 году снят сериал «Чрезвычайная ситуация». Сериал рекламирует и конструирует присутствие МЧС в нашем обществе, и т.д. То есть, с одной стороны, прекариат, с другой стороны, общество риска. Может быть, о модернизации уже не стоит говорить?

С другой стороны, есть такой взгляд. У меня другой респондент, который, можно сказать, прошел все стадии адаптации, попыток войти в средний класс, попыток адаптироваться. В 90-х годах он начинал учиться в Санкт-Петербургском университете. Он все бросил, потому что на Севере можно было больше заработать. У него были связи. Он поехал на Север работать.

Потом в 2000-е годы он осознал, он увидел, что есть, видимо, остатки, возможности социальной мобильности через эту профессионализацию. И он все время пытался получить высшее образование, но у него как-то все не

получалось. И, наконец, он его получил в 2013 году. Он сказал: а что делать? Сейчас я его получил. Но получил я его, получается, только для того, чтобы получить синекуру, то есть определенное место на заводе, на котором ничего не нужно делать, только следить за другими и получать зарплату.

Сказать, что он доволен этим результатом, - нет. У него остались достаточно романтические, еще советские (он мой ровесник) представления о романтической профессионализации, о том, что такая синекура, ее не должно было быть. Что он должен быть частью какого-то большого коллектива, какого-то большого исторического проекта. При этом «участие в истории» не означает для него «участие в политике». А тем не менее все закончилось вот так. Он недоволен своей классовой мобильностью, не смотря на то, что он не бедный, достаточно социально успешный, он получил эту синекуру, он работает менеджером среднего звена. Как совместить какие-то объективные критерии «среднего класса», и его представления о своем классовом положении? По формальным критериям – дохода, потребления, профессиональной востребованности, даже ощущения какой-то миссии, он «средний класс». Но он не чувствует, что он «достиг успеха» - причем, он сам мучается непониманием, а что его все-таки не устраивает. Как вписать эти вещи в наше понимание того, что такое в России сегодня «класс»?

С моей точки зрения, было бы интересно посмотреть именно на моральный ландшафт класса в обществе, причем не только с точки зрения, скажем, конструкта бедности. То есть, может быть, можно посмотреть и по «бедности» или даже «отрыжке бедности», как Марина сказала. Но можно посмотреть, пользуясь тем же термином, и на «отрыжки справедливости», отрыжки романтических идеалов профессионализации, как у Стругацких, «Понедельник начинается в субботу».

У моих ровесников кризис среднего возраста. Они все говорят: надо же работать по профессии. Как бы я хотел обратно пойти в университет. Тот факт, что они считают, что «поезд ушел», оказывается, уже для них не только по возрасту, но и по социальному положению. Как связаны представления о возрасте и представления о классе? Это интересно.

По трудовым отношениям, о которых сегодня говорилось: меня заинтересовало как раз понимание и классового и морального ландшафта,

горизонты морального действия именно в разрезе понимания людьми важности своих трудовых прав, и прав на теплую воду и газ, и на разрешение проблем ЖКХ, . То есть то, что нам можно искать средний класс в соответствии с какими-то западными социологическими критериями – это понятно. Но можно также посмотреть на то, что реально есть, местное понимание классовых отношений, смысл «класса», вместо того, чтобы применять те критерии класса, которые с точки зрения местного понимания класса могут быть не самыми релевантными. И причем у этого есть такая большая история в том смысле, что у западных антропологов и социологов, славистов есть такая шутка, что в России чего не хватишься – ничего нет. Гражданского общества – нет, классовой структуры – нет, феминизма - нет, социальных горизонтальных связей – нет.

Я недавно ездила на эту же конференцию славистов. Там девушка, коллега показывала, что гражданское общество, в общем-то, есть. Оно просто принимает не те формы, которые описаны Хабермасом, но оно есть. Она в Новосибирске изучала общественников. И поэтому весь дискурс о поисках гражданского общества, как оно представлялось, был не самым интересным. Только сейчас начинаются поиски того, что есть.

Б.Ф. Славин. Структура общества совсем другая стала в этом смысле.

О.М. Здравомыслова. Этот разговор идет очень давно, что в России есть все, но это никак не названо. Названо другими словами. Это, с одной стороны, верно, и через это, я думаю, проходили все, даже предыдущего поколения исследователи. Но штука есть в том, что если что-то существует, но оно не названо, то его нет.

А.Круглова. Вопрос здесь в категории названия. Потому что, может быть, если спрашивать людей: а какие в России есть классы, действительно не получишь никакого ответа. А если спросить: в чем заключается социальная справедливость, то из монолога, который может быть спровоцирован таким вопросом, как раз можно вывести представления и о классовой структуре.

О.М. Здравомыслова. Это же не респонденты выводят.

А.Круглова. Конечно, вопрос интерпретации тоже есть.

О.М. Здравомыслова. Но это другое. Методологический вопрос.

А.Круглова. Да, это вопрос методологический.

А.Круглова. Для большинства людей это может быть... Есть этнография «Nostalgia for the future», о том, что во всем мире, но в частности в африканских, например, странах, которые пережили колонизацию, есть ностальгия по будущему, которое выражается в формах прошлого, то есть возврату к модернизации. Не постмодернизации, а модернизации, которая проходила под колониальным давлением. Можно ли сказать, что у них происходит «архаизация»? С другой стороны, вряд ли они заботятся о том, как эксперты это назовут,...

А.В. Рябов. Нет-нет. Два аспекта, мне кажется. Это архаизация и продолжающаяся деинституционализация, или ослабление институтов, скажем так, в более мягкой форме. Как в этой ситуации действительно, похоже, что необходимость в среднем классе как социальном акторе вообще просто отпадает функционально. Почему именно он в первую очередь должен платить? Поскольку, вообще говоря, в архаизирующемся обществе наличие такого рода социальных субъектов, которые усложняют функционирование этого общества. Оно излишне. Чем проще, тем лучше. Это как бы очевидно.

Это еще в свое очередь Константин Леонтьев определил: общество вторичного упрощения. В этой картине он не нужен. И социально-экономически, и идеологически.

А.Круглова. Как Вы определяете сложность? Если в обществе сто религий, оно простое или сложное?

А.В.Рябов. Сложное, конечно. Сложность я определяю, прежде всего, как многосоставность. Многосоставность не только социальную, но и идеологическую тоже. И поэтому в архаизирующемся обществе, я боюсь, что даже этот стилистический протест уже тоже не нужен. Он создает дополнительные сложности, усиливает риски. А лучше, чтобы вообще без рисков. Лучше, чтобы телекамера на избирательном участке решала все проблемы и минимизировала все прочие риски.

Я боюсь, что это основной вызов постсоветскому среднему классу в том виде, как он сформировался, со всеми своими проблемами, со всем своим грузом своего уже исторического прошлого, немало по понятиям

современной эпохи. Главная проблема его существования – выживание в условиях архаизации. И плюс давление глобальных проблем, о которых Вы очень хорошо сказали.

А.В. Рябов. Спасибо. Еще, пожалуйста, какие-то реплики, замечания.

А.Круглова. Этот запрос на упрощение, о котором вы говорите. Это тоже интересно. Откуда он идет? По своим информантам я вижу, что запрос на упрощение даже в повседневной жизни (у меня микрооптика в этом смысле) действительно огромный. Для них это очень часто именно моральное разочарование, усталость от неопределённости, на самом деле, но они это считают усталостью от «сложности» и «непонятности». Вся сегодняшняя идеология, все, что происходит в политике, – это «непонятно». Что там Медвепут думает – «это мне непонятно». То есть ясности нет никакой. Возникает огромная усталость от любого усложнения. Они уже говорят: да не грузи. То есть никто меня не грузите вообще ничем.

То есть этот запрос на упрощение в результате такой усталости. Вы видите какие-то структурные моменты именно запроса?

А.В. Рябов. Веками. Не получилось так. Можно же очень хорошо посмотреть, как менялись отношения вообще к проблемам демократии. Сначала восторженное восприятие, затем... раз во всем мире есть, пусть и у нас будет. Может быть, да, может быть, нет.

А.Круглова. Возможно, это непонимание, это от разочарования. Это было движение от идеализированного, неизвестного капитализма, который был за железным занавесом, к реальному столкновению с реальным капитализмом... И когда «идеальный» капитализм столкнулся с реальным, люди поняли, что это не просто джинсы ковбоя и сто сортов колбасы, а, скажем, сто сортов химической колбасы. Так они поняли приход капитализма. Это не просто «компенсаторно» или инструментально, прагматически - «у нас сложно не получилось, поэтому давайте попроще сделаем». Само понятие «простоты» - морально нагруженное, особенно в России. Например, у антрополога есть такое исследование - как раз по поводу этой колбасы. По-моему, в Болгарии она исследовала. Это не просто логика прагматически-инструментального, компенсаторного упрощения. Она не компенсаторная в том смысле, что «ну не получилось». Она такая:

лучше один сорт колбасы, но хорошей, как был в советские времена, чем сто сортов колбасы, как при этом капитализме. Это рассуждение только выглядит прагматическим, на самом деле оно о самой природе ценности, в частности, об анти-фетишизме. Это отголосок лозунга «не делайте из еды культа».

О.М. Здравомыслова. Буквально эту фразу мне произнесла продавщица в магазине рядом с моим домом. Ровно эту фразу. И на что я ее спросила: «Скажите, пожалуйста, а Вы уверены, что один сорт советской колбасы был такой качественный?» Тогда она вспомнила и сказала: «Действительно».

А.Круглова. Ольга Михайловна, таких как Вы не найдется, чтобы каждой продавщице об этом напомнить. Вопрос в том, что все ведь не помнят. Но не помнят еще и потому, что разговор-то на самом деле не о колбасе, а о природе ценности.

О.М. Здравомыслова. То, что Вы говорите, это выглядит так. Но это тоже иллюзия.

А.Круглова. Иллюзия – это социальная реальность.

О.М. Здравомыслова. Они хотят вернуться к чему? К отличной советской колбасе, которой не было и которая еще в качестве единственного сорта была довольно плохая.

А.Круглова. Все правильно. Но Вы об этом помните, Вы об этом знаете. Для большинства людей иллюзии... Естественно, то, что память о прошлом и прошлое не совпадают – это социологическая банальность. Естественно.

О.М. Здравомыслова. Это не память о прошлом. Она уже сейчас вспомнила, потому что ей уже это стали говорить. Это уже не только ее личные воспоминания. Ей это объяснили уже.

А.Круглова. Хочу добавить. Не только модернизация, но и «морализация» и «деморализация» – как процессы, совершенно неизвестно, что они конкретно, «на местах», в головах людей и в их повседневных действиях, означают. Потому что, с одной стороны, именно тот накал национализма и патриотизма, который случился, говорит о том, что как раз, может быть, деморализация шла. Был запрос на мораль, на какие-то стержни,

устой и скрепы. Но как малоизвестно, как действительно шла «деморализация», так и неизвестно, как сейчас идет «реморализация». Что она значит конкретно для конкретных людей разных возрастов, социального положения, в разных городах, и так далее. Есть только тезис об «успешной морализаторской пропаганде». Например, одним из критериев «морали» является «цинизм» и отношение к цинизму. На той же конференции славистов было выступление по поводу цинизма. И насколько действительно сложно сегодня описывать цинизм. Критика циничного разума и т.д. То есть цинизм может быть и ирония, и отдаление, и «стеб», и самые разные его формы могут быть разными по смыслу и, по сути, и приводить к разному пониманию морали, а, следовательно, и класса, к разным политическим результатам, перспективам и т.д.